

ОДИССЕЙ

2006

2006 * ОДИССЕЙ

Феодализм перед судом
историков

«Устранение необоснованного
многообразия»...

Майстер Экхарт
и Григорий Палама

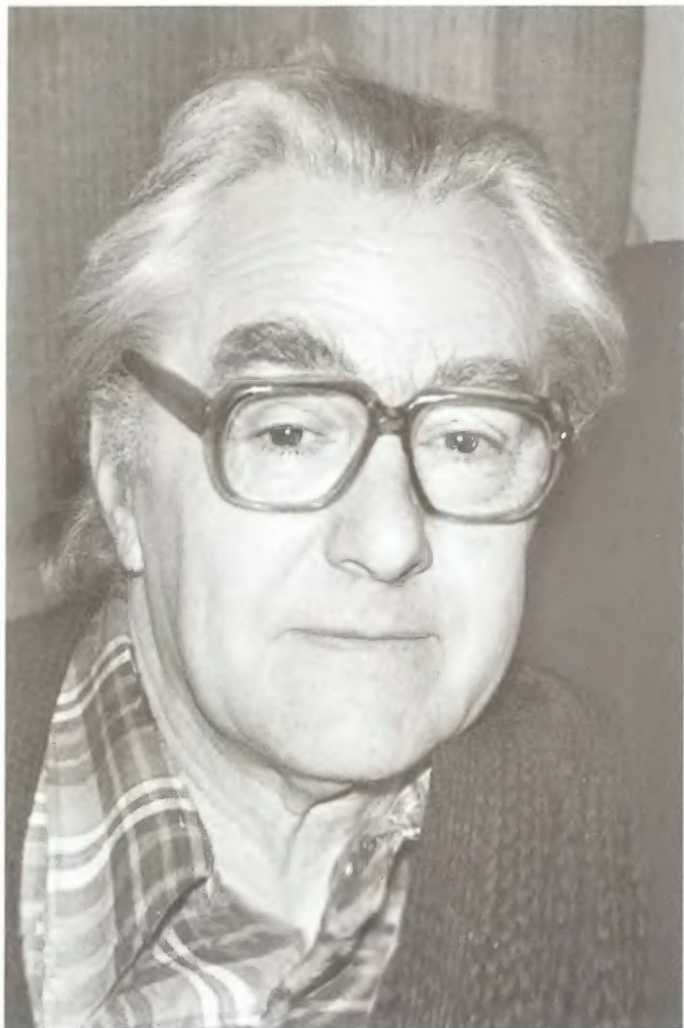
Семиотика «дедовщины»

Житие Святого Патрика: взгляд
из VII века

Культ Фрейра в Швеции

НАУКА

Арон Яковлевич
ГУРЕВИЧ
(1924–2006)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Feudalism
on Historians' Trial*

2006

MOSCOW NAUKA 2006

ОДИССЕЙ

Человек в истории

Феодализм
перед судом историков

2006

МОСКВА НАУКА 2006

Издание основано в 1989 году

Главный редактор **А.Я. ГУРЕВИЧ**

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции **И.Г. ГАЛКОВА**

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч. Вс. **ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский**,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

доктор исторических наук **С.Г. КАРПЮК,**
кандидат исторических наук **А.С. КЛЕМЕШОВ**

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989. –

2006 : Феодализм перед судом историков [гл. ред. А.Я. Гуревич]. – 2006. – 493 с. – ISBN 5-02-034005-7.

Главная тема выпуска – концепция феодализма с точки зрения современной исторической науки. Публикуются статьи по истории этого понятия и сравнительно-исторические исследования, в том числе А.Я. Гуревича “О средневековой крестьянской цивилизации”. В разделе “Культурная история социального” анализируются социальные аспекты нормирования языка в Германии; феномен насилия в российской армии рассматривается сквозь призму семиотического подхода. Внимание читателей привлекут статья о европейскости России и публикации “Жития святого Патрика” и “Пряди об Эгмунте Битом”.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и широкого круга читателей.

Темплан 2006-I-307

ISBN 5-02-034005-7 © Институт всеобщей истории РАН, 2006

© Коллектив авторов, 2006

© Российская академия наук и Издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1995 (год основания), 2006

© Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ

<i>П.Ю. Уваров</i> В ПОИСКАХ ФЕОДАЛИЗМА	5
<i>А.Я. Гуревич</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ, ИЛИ О СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	11
<i>И.В. Дубровский</i> КАК Я ПОНИМАЮ ФЕОДАЛИЗМ	50
<i>Л.А. Пименова</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О “ФЕОДАЛЬНОМ” В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ XVIII в.	63
<i>А. Герро</i> ФЬЕФ, ФЕОДАЛЬНОСТЬ, ФЕОДАЛИЗМ. СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ И ИСТОРИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ	77
<i>Н.А. Селунская</i> “СЕНЬОРИЯ, ОБЩИНА И ВАССАЛИТЕТ ПРОСТОЛЮДИНОВ”, ИЛИ “ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ РЕЙНОЛЬДС”	114
<i>П.В. Лукин</i> ПРАЗДНИК, ПИР И ВЕЧЕ: К ВОПРОСУ ОБ АРХАИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН.....	134
<i>П.С. Стефанович</i> БОЯРСКАЯ СЛУЖБА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ	151
<i>В.Я. Петрухин</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	161
<i>П.Ю. Уваров</i> ФЕОДАЛИЗМ В XXI ВЕКЕ	171
<i>А.Я. Гуревич</i> POST SCRIPTUM: PEASANT SOCIETY И ПРОФЕССОР КРИС УИКХЕМ	184

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО*И.Е. Суриков*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ ДРАКОНТА И СОЛОНА: РЕЛИГИЯ, ПРАВО И ФОРМИРОВАНИЕ АФИНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩИНЫ	201
--	-----

К.А. Левинсон

“УСТРАНЕНИЕ НЕОБОСНОВАННОГО МНОГООБРАЗИЯ”: НОРМИРОВАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ В ГЕРМАНИИ XIX В. И ЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ	221
--	-----

К.Л. Банников

“ПОТОМУ ЧТО АБСУРДНО”: СЕМИОТИКА НАСИЛИЯ В МЕТАМОРФОЗАХ СОЦИОГЕНЕЗА	261
---	-----

А.Г. Левинсон

ГОСЗАКАЗ НА ДЕДОВЩИНУ: КРАТКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ	279
--	-----

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ*М.Ю. Реутин*

МАЙСТЕР ЭХХАРТ – ГРИГОРИЙ ПАЛАМА (К СОПОСТАВЛЕНИЮ НЕМЕЦКОЙ МИСТИКИ И ВИЗАНТИЙСКОГО ИСИХАЗМА).....	285
---	-----

С.И. Лучицкая

ХРИСТИАНСКО-МУСУЛЬМАНСКАЯ ПОЛЕМИКА ПО ПОВОДУ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ	319
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ*Г.В. Бондаренко*

МУРЬХУ МОККУ МАХТЕНИ: ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ДРЕВНЕЙ ИРЛАНДИИ И РОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СВЯТОСТИ	351
--	-----

Мурьху мокку Махтени

ЖИТИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА (перевод Г.В. Бондаренко и С.В. Шкунаева, комментарии Г.В. Бондаренко)	363
--	-----

Е.А. Гуревич

КУЛЬТ ФРЕЙРА В ШВЕЦИИ. “ПРЯДЬ ОБ ЭГМУНДЕ БИТОМ ИГУННАРЕ ПОПОЛАМ” (перевод, комментарии и статья Е.А. Гуревич)	390
---	-----

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

Б.Н. Миронов

ДИСКУРС О ЕВРОПЕЙСКОСТИ РОССИИ, ИЛИ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕВРОПЫ: ЕВРОПА С РОССИЕЙ ИЛИ БЕЗ?.....	420
--	-----

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Л.П. Лаптева

У ИСТОКОВ ТРАГЕДИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>М.А. Робинсон. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 30-х годов). М., 2004</i>	444
---	-----

ЮБИЛЕИ.....	458
-------------	-----

К СТОЛЕТИЮ Леонида Ефимовича ПИНСКОГО	458
---	-----

ПАМЯТИ УШЕДШИХ.....	469
---------------------	-----

Михаил Леонович ГАСПАРОВ (1935–2005).....	469
---	-----

Владимир Николаевич ТОПОРОВ (1928–2005)	471
---	-----

Елеазар Моисеевич МЕЛЕТИНСКИЙ (1918–2005).....	478
--	-----

Арон Яковлевич ГУРЕВИЧ (1924–2006)	480
--	-----

SUMMARIES	481
-----------------	-----

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	487
----------------------------	-----

CONTENTS

FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL

<i>P.Yu. Uvarov</i> IN SEARCH OF FEUDALISM.....	5
<i>A.Ya. Gurevich</i> FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL, OR MEDIAEVAL PEASANT CIVILISATION REVISITED.....	11
<i>I.V. Dubrovsky</i> MY PERCEPTION OF FEUDALISM	50
<i>L.A. Pimenova</i> THE DELIBERATIONS ON THE "FEUDAL" IN THE 18TH CENTURY PRE-REVOLUTIONARY FRANCE	63
<i>A. Guerreau</i> FIEF, FEUDALITY, FEUDALISM. SOCIAL ORDER AND HISTORICAL THOUGHT	77
<i>N.A. Selunskaya</i> "SIGNORIA, COMMUNES AND VASSALAGE OF THE BASE-BORN PEOPLE", OR "ASSUMPTION OF S. REYNOLDS' INNOCENCE"	114
<i>P.V. Lukin</i> FESTIVAL, FEAST AND VECH: ON SOME ARCHAIC FEATURES OF WESTERN AND EASTERN SLAVS' SOCIAL ORDER	134
<i>P.S. Stephanovich</i> THE BOYARS' SERVICE IN MEDIAEVAL RUS'	151
<i>V.Ya. Petrukhin</i> FEUDALISM ON TRIAL OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY	161
<i>P.Yu. Uvarov</i> FEUDALISM IN THE 21ST CENTURY	171
<i>A.Ya. Gurevich</i> POST SCRIPTUM: "PEASANT SOCIETY" AND PROFESSOR CHRIS WICKHAM	184

CULTURAL HISTORY OF THE SOCIAL

<i>I.E. Surikov</i> THE LEGISLATIVE REFORMS OF DRAKON AND SOLON: RELIGION, LAW AND THE FORMATION OF ATHENIAN CITIZEN COMMUNITY	201
--	-----

K.A. Levinson

"THE REMOVAL OF THE UNFOUNDED VARIETY": LANGUAGE NORM SETTING IN THE 19TH CENTURY GERMANY AND ITS SOCIO CULTURAL CONTEXT	221
--	-----

K.L. Bannikov

<i>QUIA ABSURDUM</i> : THE SEMIOTICS OF VIOLENCE IN THE METAMORPHOSES OF SOCIOGENESIS	261
---	-----

A.G. Levinson

THE STATE ORDER FOR <i>DEDOVSKHINA</i> . A BRIEF REMARK	279
---	-----

COMPARATIVE HISTORY

M.Yu. Reutin

MEISTER ECKHART AND GREGORY PALAMAS. ON THE SIMILARITY BETWEEN THE THEOLOGICAL TEACHINGS OF GERMAN MYSTICISM AND BYZANTINE HESYCHASM.....	285
---	-----

S.I. Luchitskaya

CHRISTIAN-MUSLIM IMAGOLOGICAL POLEMICS IN THE TIME OF THE CRUSADES	319
--	-----

PUBLICATIONS

G.V. Bondarenko

MUIRCHÚ MOCCU MACHTHENI: CONVERSION TO CHRISTIANITY IN EARLY IRELAND AND THE BIRTH OF NATIONAL SAINTHOOD	351
--	-----

Muirchú moccu Machtheni

THE LIFE OF SAINT PATRICK (<i>translated by G.V. Bondarenko, S.V. Shkunaev, notes by G.V. Bondarenko</i>)	363
---	-----

Ye.A. Gurevich

FREYR'S CULT IN SWEDEN. "THE STORY OF EGMUND THE BEATEN AND GUNNAR HALF-AND-HALF" (<i>translation and notes by Ye.A. Gurevich</i>)	390
--	-----

HISTORY OF RUSSIA: *QUO VADIS?*

B.N. Mironov

A DISCOURSE ON EUROPEAN FEATURES OF RUSSIA, OR THE CONSTRUCTION OF EUROPE: EUROPE WITH RUSSIA OR WITHOUT?....	420
---	-----

BOOK REVIEWS

L.P. Lapteva

AT THE SOURCES OF RUSSIAN HUMANITARIAN *INTELLEGEN-*
CIA'S TRAGEDY

<i>M.A. Robinson. The Fortunes of Academic Elite: Russian Slavic Studies (1917 – early 1930-s). Moscow, 2004</i>	444
ANNIVERSARIES	458
The 100th Anniversary of Leonid Efimovich PINSKY	458
IN MEMORIAM.....	469
Mikhail Leonovich GASPAROV (1935–2005).....	469
Vladimir Nikolaevich TOPOROV (1928–2005)	471
Yeleazar Moiseevich MELETINSKY (1918–2005).....	478
Aron Yakovlevich GUREVICH (1924–2006).....	480
SUMMARIES	481
SOURCES OF ILLUSTRATIONS.....	487

Владимир Николаевич ТОПОРОВ
(05.07.1928–05.12.2005)

Владимир Николаевич Топоров был мыслителем универсального склада. При поразительной скромности он обладал чертами научно-го исполина. В нем нашла продолжение и воплощение русская культурная традиция. Людям, в которых она всего отчетливее проявляется, свойственно соединение самых многообразных знаний и достижений. К ним оправданно применяют эпитеты “великий” и “гениальный”. Объем и характер сделанного Топоровым вызывает изумление даже на этом фоне оставивших значимый след в истории русской культуры ученых, занимавшихся разными областями и в каждой из них добивавшихся первостепенных успехов. Постороннему наблюдателю трудно было бы поверить, что за полвека с небольшим, отмеренных ему для зрелого творчества, Топоров успел написать столько работ, в разных направлениях исследований ставших переломными и уже получивших статус классических. Могло бы показаться удивительным, что один человек мог по-новому взглянуть на судьбу локатива в славянских языках, строение парадигмы литовского глагола, происхождение лексики древнепрусского языка, соотношение именных классов в енисейских языках и в затерянном в Гиндукуше бурушаски, языковой союз, включающий дардские, нуристанские и некоторые географически с ними смежные языки, размещение изображений животных в комплексах палеолитических пещер, мифологическое описание ранних периодов истории мира в хрониках древнеписьменных традиций, строение санскритской комедии “Глиняная повозка”, понимание Энея в эпосе Вергилия. Я мог бы и дальше долго перечислять темы тех книг и статей Топорова, в которых щедро рассыпаны его открытия и прозрения. Можно им удивляться. Но кажется – важнее понять связывающие их методы и идеи, проходящие сквозь тысячу с лишним написанных им работ.

Топоров размышлял о научном методе с тех молодых лет (еще до университета), когда он начал всерьез заниматься философией и прочитал основных европейских философов (восточными, главным образом древнеиндийскими, он систематически занялся после аспирантуры; воздействие его западных современников сказалось в некоторых из поздних работ; философские изыскания, начатые в ранней молодости, привели к построению оригинального мировоззрения, изложенного в таких публикациях недавних лет, как небольшая книга, одновременно философская и посвященная античной литературе, об “Энее – человеке судьбы”).

В комнате, где в коммунальной квартире жили его родители, они, рано поняв многообещающий талант сына, выгородили для не-

го из шкафов убежище, где, когда все кругом засыпали, в тишине он мог предаваться по ночам занятиям и размышлениям. Набор собранных им к тому времени книг поражал одновременно и богатством идей, и удачностью отбора наиболее оригинальных авторов. То, что не удавалось купить у тогда щедрых букинистов на небольшие бывшие в его распоряжении деньги, наверстывалось находившейся по соседству с домом Тургеневской читальней и другими московскими библиотеками, завсегдагаем которых он стал очень рано и оставался всю жизнь. Я думаю, что не преувеличу, сказав, что в нашем поколении в Москве он был самым начитанным человеком. Но меньше всего он походил на книжника. Он азартно играл в футбол и отличался незаурядной физической мощью (в экспедиции таскал на спине самые тяжелые ящики и пояснял, что свою силу ощущать приятно). Вместе с тем он владел всеми ресурсами русского непечатного слова, понимая отлично, к кому их и весь его недюжинный запас веселости надо обращать. Жизнь привлекала его и матчами “Спартак”, и газировкой, которую можно было пить летом в послевоенной Москве в неограниченном количестве (никаких более крепких напитков он не признавал, и только раз Роман Якобсон убедил его выпить с ним водки на брудершафт, сказав, что со всеми остальными крупными русскими лингвистами он уже на “ты”).

Топоров рано становится одним из самых многосторонне одаренных лингвистов в мире. Я помню его настолько поглощенным занятиями, что в ответ на вопрос о новостях жизни он пересказывал только что пришедшую статью о тематической гласной и ее возможных морфологических функциях. В университетские годы и позднее он в совершенстве овладевает техникой индоевропейского сравнительно-исторического языкознания и осознает роль этимологии слов для истории мысли. Эта линия продолжается во всех его трудах вплоть до самых последних: каждый из существенных разбираемых терминов рассматривается на фоне его истории. В двухтомнике о русской святости есть целая увлекательная глава об этимологии русского слова *святой*, замечания о санскритских, хотаносакских и тохарских формах в этой главе вполне оригинальны.

Топоров вступает в лингвистику, когда вслед за Соссюром и Пражским кружком побеждает подход к языку как системе. Замечу, что ему у Соссюра особенно близким было сопоставление языка и шахмат. Топоров с юности увлекался шахматами и представление о шахматной игре как модели системы, где всего важнее ценность фигур, было ему созвучно. Поэтому внутри первой из многообразных научных дисциплин, которыми он стал заниматься, он с увлечением перенимает у таких тщательно им изученных старших современников, как Роман Якобсон (с которым они позже подружились) и Курилович, предложенные теми методы структурного описания. Он

участвует в первых семинарах и кружках, где изучаются достижения современной логики (Карнапа прежде всего) в понимании языка и обдумываются возможности применения в языкознании математики (сам он специально писал в этом ключе о теории вероятностей). Когда началось семиотическое движение в нашей стране, он стал одним из создателей школы, которую сейчас называют московско-тартуской. В ней принципы структурализма распространяются на широкий круг гуманитарных наук и возникает важное для трудов Владимира Николаевича представление о тексте как главном предмете исследования.

Не только сосредоточенность на методах (по большей части новых и отработываемых заново) делает целостным все выстроенное Топоровым здание. Его волновало несколько основных тем, к которым он обращается в разное время.

Для всех нас, я думаю, сейчас важнее всего вопрос, который я бы обозначил как “Топоров и Россия”. Когда пятый акт трагедии его жизни завершился, нужно думать о продолжении, о том, в какой мере масштаб его личности будет оценен, его голос будет услышан, его пророчества поняты, насколько последуют его четко высказанным советам. О России и ее неслыханных возможностях в сопоставлении с другими странами Европы Владимир Николаевич задумался еще школьником. Он всегда видел ее судьбу в историческом разрезе – в том большом времени, в котором он жил вместе со всей культурой русского прошлого и в котором им сделанное остается как великое выражение вечных ценностей русского Духа. Занятия индоевропейской и балто-славянской предысторией и этимологией давали необычайную диахроническую глубину его научной реконструкции ранней языческой поры в духовном наследии наших далеких предков. Напомню, что именно здесь ему принадлежат открытия, признанные и развитые в недавнее время такими всемирно известными учеными, как К. Уоткинс. Весь этот круг работ Топорова о языке своем биографическими корнями уходит в семейное и родовое наследие, которое было частично воскрешено и обогащено опытом военных лет, проведенных в эвакуации в Коврове. Русские заговоры, индоевропейские истоки которых он выявит в особой монографической работе, были ему известны из ранних домашних впечатлений: умением заговаривать еще владел по наследству его отец. Топоров с дворового детства познакомился и с такими присказками, считалками и текстами, проговариваемыми во время игр, в которых позднее он нашел обломки древней правды поверий глубокой древности. Непреходящая значимость Топорова для русской культуры связана и с уникальным соединением в нем высокой европейской образованности с наследием русских деревенских знахарей, колдунов и чернокнижников. Вместе с тем он тяготел к дворовому фольклору и

неприкрашенной устной речи Москвы и среднерусской провинции второй четверти двадцатого века.

Его больше всего занимала русская культура в самом широком смысле и во всем многообразии ее проявлений, простирающихся на целое тысячелетие и взаимодействующих с другими евразийскими и индоевропейскими. Он нашел прямое иранское соответствие былине о Святогоре. Неожиданная возможность обнаружения непосредственных следов иранского митраизма у славян возникает благодаря открытию им далеко идущего параллелизма соответствующих выражений (русское “всем миром” и т.п.). Не менее удивительны и обнаруженные им сходства древнеиндийского мифа о первочеловеке Пуруше, из частей тела которого образовались части окружающей природы, и похожего мотива в древнерусской “Голубиной Книге”. В недавних публикациях он вернулся к древнему наследию гностицизма в “Голубиных (ранних Глубинных) книгах” и их сравнению с иранским “Бундахишном”.

Начиная с юности, когда обозреваются возможные жизненные пути, внимание молодого человека, уже понявшего тщету стремлений большинства современников и сверстников, было привлечено прежде всего к русскому монашеству и невиданному богатству открывающегося в нем духовного опыта. Эти интересы ранней молодости нашли продолжение уже в относительно более близкое к нам время в обстоятельном исследовании святости и святых в русской духовной культуре. Оно было написано в начале последнего переломного момента нашей истории. Он обращается к широкому читателю, не только к верующим, но и к неверующим, пробуя объяснить им суть духовного служения и предложить исторический взгляд на мучительную для России проблему соотношения Церкви и Власти. Как и другие крупные деятели русской культуры последних десятилетий, он хочет усвоить и перенять уроки деятельности Сергия Радонежского (несколько ранее тем же занят Андрей Тарковский, готовясь снять фильм о Рублеве).

Русские мыслители, прямо или косвенно связанные с православной традицией, как Мейер, Бахтин, князь Н.С. Трубецкой, остаются в поле внимания Владимира Николаевича; он специально занимается их творчеством в целом или отдельными его сторонами. Особая близость связывала его с о. Александром Менем.

После овладения в студенческие годы индоарийскими языками Топоров все серьезнее обращается к другим религиям “осевого” времени. Целую эпоху в русском понимании буддизма обозначил выполненный им перевод “Дхаммапады” с языка пали, изданию которого была предпослана его подробная статья, давшая широкому кругу интеллигентных читателей представление о буддийском учении и о Будде как о реально существовавшей удивительной лично-

сти. Официальные власти были испуганы и раздражены тем, что на их воровском языке называлось “пропагандой буддизма”, книгу думали запретить и изъять, но опоздали: поддерживавший начинания Владимира Николаевича Ю.Н. Рерих успел послать книгу своему другу Джавахарлалу Неру, с мнением которого вынуждены были считаться и не самые просвещенные деятели советской номенклатуры. Позднее Топоров развивает ряд идей, связанных с постановкой вопросов буддийской теории познания и логики у Ф.И. Щербатского, в частности в большой статье, сопровождающей переиздание работ последнего. К основам буддийского понимания личности Топоров обратится, говоря о молчании Сергия и о его “грамматическом” аскетизме, сказавшемся в редком употреблении форм первого лица. Рассуждая об опасности, скрытой в “Я”, Топоров в своей книге о святости замечает: «Эта ситуация хорошо известна и в христианском богословии и – специально – в аскетике. Но и за пределами христианства, в частности, в буддизме, проблеме Я уделялось очень большое внимание. И в разных направлениях буддизма, между прочим, и в “личном” учении Будды, реальность Я часто ставилась под подозрение, а в наиболее радикальных учениях вообще отрицалась. Но и Будда, не отрицавший феноменальное Я, данное в опыте, в сфере “приблизительного” и “неконечного”, признавал недопустимыми метафизические спекуляции на тему Я, и сам предпочитал этим спекуляциям молчание». В рассуждениях Топорова о метафизике молчания мне всегда кажется, что присутствует момент лично автобиографический. В конце того отрывка, начало которого только что процитировано, Топоров говорит о радикальном отрицании Я как иллюзии у Нагарджуны и завершает словами: “Все это, конечно, далеко от Сергия, но кто знает, где останавливался он в своих мыслях о своем Я”.

Приступив к семиотическому сопоставлению разных религиозных и мифологических систем и их воплощений в искусстве, В.Н. Топоров приходит к новой для всей этой сферы занятий идее о существовании на протяжении очень большого отрезка предыстории и истории человечества особой “эпохи мирового дерева”. Этот центральный символ или “универсальный знаковый комплекс” оказывается общим как для развитых религий, использующих его в христианском образе распятия и в буддийском символе дерева Бодхи, так и для шаманистских представлений таких сибирских народов, как кеты, языками и знаковыми системами которых Топоров занимается во время экспедиции в Западную Сибирь в 1962 г. и после нее. К циклу работ о мировом дереве примыкает и исследование мирового яйца у народов Африки и других частей света. Топоров систематически исследует символику разных религий, начиная с пещерных наскальных изображений животных и древневосточных tradi-

ций (в особенности египетской, хеттской, древнеиндоиранских, древнекитайской). Результаты проведенного Топоровым сравнительного изучения мифологических и религиозных символов разных народов и эпох высказаны и во многих его детальных монографических исследованиях (таких как классический труд о мифологии грибов, отличающийся невиданной смелостью сопоставлений, спорничавших с психоаналитическими и задержавших публикацию работы), и в большой серии статей в знаменитой энциклопедии “Мифы народов мира” (1-е изд. 1981–1982 гг.), где ему принадлежит (как автору и соавтору) значительная часть статей о главных типах символов (например, числовых или зооморфных) и об отдельных системах (кетской, балтийской, славянской) и их богах. Много нового было внесено Владимиром Николаевичем в реконструкцию таких мифологических систем, как древнепрусская, ранее известная лишь по разрозненным сообщениям вторичных источников. Прусская и другие балтийские мифологические традиции были важны Топорову как ближайшие родственники славянских.

Наряду с древними русскими поверьями и более новой верой Топоров занимался на протяжении всей сознательной жизни русской литературой. Его университетский учитель И.Н. Розанов был настолько впечатлен познаниями в этой области студента второго курса, что уже тогда предрек ему избрание в академики, состоявшееся с опозданием на почти полвека. Ему принадлежат книги и большие исследования о Муравьеве, Карамзине, Жуковском, Пушкине, “странном” (фантастическом) Тургеневе, Достоевском, Блоке, Кондратьеве, Ахматовой. Мне кажутся едва ли не всего более значительными исследования, где Топоров выдвинул и развернул понятие “петербургского текста”. Петербург пользовался особой любовью Владимира Николаевича. Он никогда не упускал случая если не еще раз посетить облюбованный им город, то хотя бы в воображении побродить по нему, расстелив перед собой его подробный план (его день после завтрака нередко начинался с этого). Это пристрастие, пронесенное сквозь всю жизнь и нисколько не ослабевшее, сказало в широком круге исследований последних лет, охвативших диапазон петербургских текстов от романов Достоевского до настенных граффити в общественных уборных. В анализе Достоевского Топоров продолжил и развил идеи обстоятельно им изученного Бахтина. В центре его исследования находится категория пространства (этот прием использован в его большой книге о русской литературе и применительно к таким ранее неизученным и лишь недавно открытым авторам XX века, как Крижановский).

Начиная со второй половины 60-х годов Топоров и его соавторы печатают серию работ о поэтах-акмеистах и их поэтике. Совместное исследование, выполненное вместе с Т.В. Цивьян, выявило та-

кие универсальные образы у акмеистов, как “черное солнце”, и наметило их интертекстуальные связи (с Нервалем). Особую статью он посвящает поэзии Шилейко, тогда совсем позабытой. Ахматова (главным образом поздняя) его заинтересовала преимущественно связью ее поэзии с историей и временем.

В последней книге Топорова, содержащей избранные работы о Петербургском тексте русской литературы, центральное место занимает монографическое исследование “Из истории петербургского аполлинизма: его золотые дни и его крушение”. Крушение показано на примере позднего Блока (его “Русского бреда”), Вагинова и других. Изложение доводится до нашего времени. Хронологически последним является недавнее стихотворение Кушнера, процитировав которое, Топоров замечает: «Неужели снова на рубеже прошлого века и начала настоящего в неизменное отмеченное время уже в четвертый раз является в русскую поэзию и – шире – в русскую культуру а п о л л о н о в с к о е начало? Трагическая история двадцатого века с ее “антиаполлинизмом” и “пифонизмом” вопиет о порядке, согласии, гармонии, свете. Но в силах ли аполлинизм решить свою задачу, осуществить свое назначение при всей той невероятной сложности проблем, которые стоят не только перед Россией, но и перед всем миром».

Хочется, как и Топоров в конце этой главы его книги, не расставаться с надеждой. И верить, что в той будущей России, которая после всех мытарств обретет согласие и гармонию, вспомнят раннего предвестника перемены Владимира Николаевича Топорова и его произведения, во многом пророческие.

Вяч. Вс. Иванов